121987

1 2 0

ТУ–19–241–82

3

2

студия
ДИАФИЛЬМ

08—3—851

ЯПОНСКАЯ СКАЗКА
ТУК-ТУК-ТУК,
ОТКРОЙ ДВЕРЬ!
ХУДОЖНИК Т. СОРОКИНА

Давно-давно это было. В одинокой хижине среди гор жили старик и старуха. Очень горевали они, что детей у них не было. Тоскливо в хижине зимой, да и летом нерадостно.

«Сколько колыбельных песен, сколько сказок в памяти берегу, а для кого?» — скажет старуха и утрёт слезу.

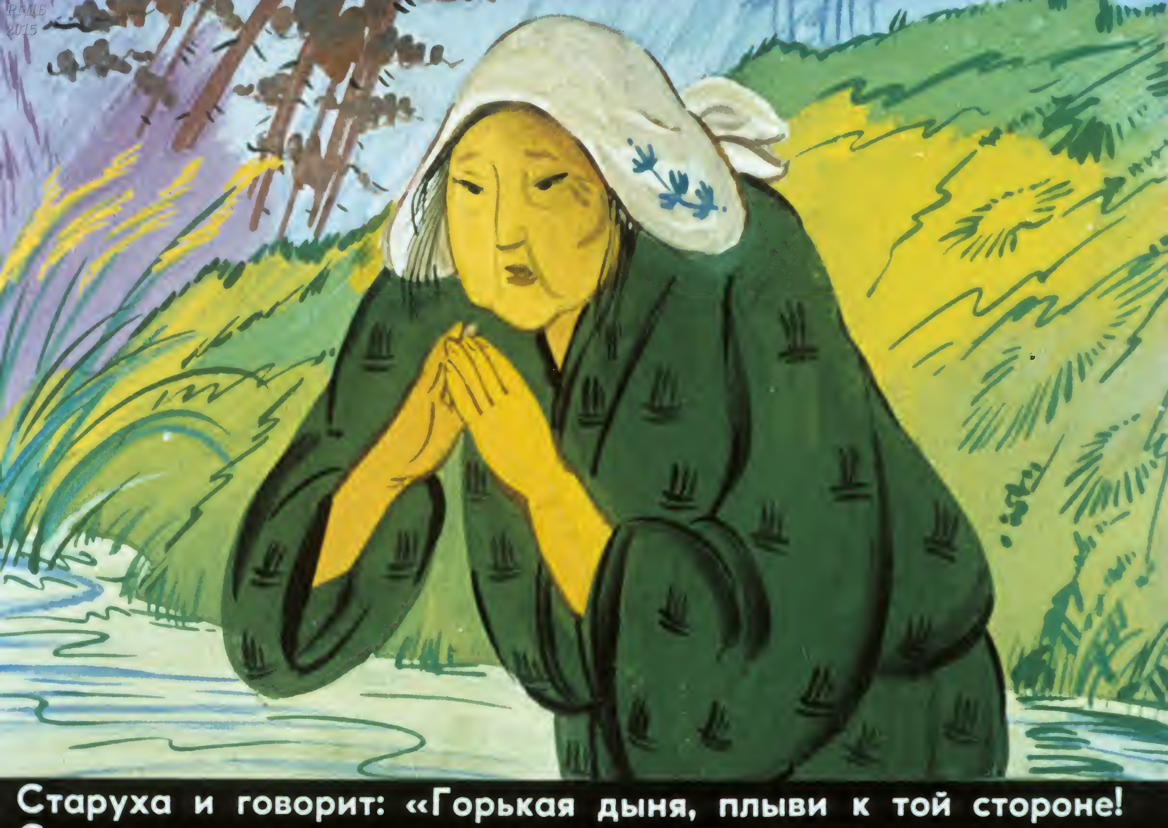
«А я сплёл из бамбука хорошую колыбель. Горный ветер прилетает качать её, а в ней пусто»,—вздохнёт старик.

Как-то раз отправился старик в горы собирать хворост, а старуха пошла на реку стирать.

Вдруг плывут вниз по реке две большие дыни. Одна—бурая, как черепаха, а другая—золотая, как солнце.

Старуха и говорит: «Горькая дыня, плыви к той стороне! Сладкая дыня, плыви сюда, ко мне».

Подплыла золотая дыня прямо к ногам старухи. Принесла старуха дыню домой, хочет старика угостить. Но только надрезала ножом корку,

как распалась дыня на две половинки и—о чудо!—появилась на свет крошечная девочка.

Обрадовались старики. Спеленали девочку, положили в колыбель. Горный ветер качает колыбель, старуха песню поёт, старик игрушки мастерит.

Хорошее имя дали девочке: Урико-химэко. Быстро-быстро растёт девочка, ласковая она, добрая.

Разговаривает с птицами, кормит их. И все птицы любят её: петух во дворе, ворона и воробьи на крыше. Даже коршун в небе.

Быстро выучилась она ткать. Красивые узоры придумывает.

Однажды собрались старики в город за покупками: «Урико-химэко, ты остаёшься одна. Смотри, никому дверь не отпирай! Живут в горах злые чудовища. Аманодзяку в лесах прячется...»

«Не открою дверь»,—обещает девочка.

Ушли дедушка с бабушкой, а Урико-химэко села за свою любимую работу.

Высмотрел Аманодзяку, что старики ушли. Побежал к хижине. Начал стучать в дверь одним пальцем: тук-тук-тук...

Тихо-тихо, сладко-сладко заговорил Аманодзяку, словно лесной ручеёк: «Урико-химэко, открой дверь. Я тебе принёс вкусных груш».

«Не надо мне груш, не отопру дверей. Бабушка с дедушкой не велели чужих в дом пускать».

Аманодзяку застучал чуть погромче—тук-тук-тук: «Урико-химэко, я тебе моток пряжи принёс, тоньше паутины, белее снега. Хочешь, покажу?» Приоткрыла девочка дверь.

«Открой пошире,—просит Аманодзяку,—а то не увидишь».
Открыла Урико-химэко дверь пошире,

и ворвался Аманодзяку в хижину. Страшный, косматый, рот до ушей. Схватил он девочку,

унёс в горы и привязал к вершине сосны. Плачет Урико-химэко горькими слезами, зовёт на помощь.

А хитрый Аманодзяку вернулся в хижину, надел на себя платье девочки, платочком голову повязал и сел за ткацкий станок.

Идут домой старики, удивляются: «Ткацкий станок словно бы разладился. Неровно он стучит, не по-прежнему. Уж не заболела ли Урико-химэко?»

Тук-тук-тук... «Открой нам дверь, Урико-химэко».—«А гостинцы принесли?»—откликнулся Аманодзяку.

Встревожилась старуха: «Охрипла наша девочка, уж не простудилась ли?» — «Почему так птицы кричат?» — прислушался старик.

Но тут Аманодзяку распахнул дверь настежь. Видит он: стоят перед ним старики, смотрят на него во все глаза, рты раскрыли.

Вдруг старик затопал ногами, замахал руками: «Кукареку». А старуха всплеснула руками: «Кар-р, кар-кар, кар-р!»

Испугался глупый Аманодзяку, невдомёк ему, что это птицы кричат. Закаркал он, закукарекал с перепугу.

Погнались за ним старики с метлой и с бамбуковым шестом. А птицы на него налетают, клюют его.

«Где наша девочка?» — плачут старик со старухой.

«Жива, жива!» — отвечают воробьи. «Украли, украли!» — галдят вороны. «Вон куда-куда-куда её унесли!» — бежит петух к высокой сосне.

«Дедушка, дедушка, я здесь!» — кричит Урико-химэко. Отвязал её старик, снял с дерева.

Получила Урико-химэко подарки: красивый пояс и красный гребешок. То-то радости было!

А злой Аманодзяку до сих пор всех в горах передразнивает. Потерял он свой голос и превратился в горное эхо.

Конец

Пересказ с японского В. МАРКОВОЙ
Художественный редактор В. КРАСНОВСКИЙ
Редактор Г. ВИТУХНОВСКАЯ

103 062, Москва, Старосадский пер., 7
Цветной 0-30

Д-138-84

